

УДК 811.512.145

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА, В ЭПОСЕ «ИДЕГЕЙ»

© А.Р.Рахимова

Статья посвящена исследованию лексики эпоса «Идегей», сложившегося в XV-XVI вв. Анализ тематической лексики источника показывает, что ее основу составляют кыпчакско-тюркские слова. Арабские и персидские эквиваленты многих ключевых понятий, вошедшие в тюркские языки в более поздние этапы их развития в качестве литературной нормы, в тексте встречаются очень редко или вовсе не употребляются. Вместе с тем религиозные мотивы, образные выражения и арабо-персидские слова свидетельствуют о довольно заметном влиянии исламской культуры на тюрко-татарское устное народное творчество. Частое использование названий животных и птиц в сравнениях говорит о том, что зоонимы становились источником для активного образования метафор еще в среднетюркскую эпоху формирования и развития тюркских языков.

Ключевые слова: татарский язык, тюркские языки, тематическая лексика, язык эпоса, кыпчакский пласт, арабские и персидские заимствования.

Для лексики языка как системы, в отличие от других его разделов, характерно огромное количество элементов, поэтому изучение возможно лишь путем постепенного анализа отдельных ее фрагментов в виде лексико-тематических и лексико-семантических групп. Целью настоящего исследования является определение тенденций развития тюрко-татарской лексики в определенную историческую эпоху, а именно в XV-XVI вв., в рамках названной тематической группы. Известно, что без знания истории формирования и развития лексической системы невозможно объективно оценить процессы, характерные для современного состояния языка. Объектом исследования является характеризующая человека лексика, которая употребляется в языке татарской версии героического эпоса «Идегей» – «высокохудожественного историко-литературного произведения средневековья» [1: 3], основанного на реальных исторических событиях, происшедших в период распада Золотой Орды. Язык эпоса, «... сложившегося в XV-XVI столетиях, повествующего о трагических событиях конца XIV века» [2: 247], богат лексикой, характеризующей человека, так как его основными мотивами являются «... воспевание героизма, мужества, любви к родной земле, ненависть к врагам, дружба и жертвование, честность и справедливость» [1: 21]. Для анализа взят текст эпоса, подготовленный и изданный в 1988 году [3], составителем книги и автором примечаний является И. Надиров. Отрывки из эпоса в нашей статье сопровождаются переводом на русский язык, для которого в основном использован перевод С. Липкина [4]. Стихотворная форма в них сохранена и указана косой чертой между строками. Однако в тех случаях, когда художественный пе-

ревод оказывается недостаточным для интерпретации значения анализируемых слов, мы предлагаем свой перевод в виде подстрочника.

Что касается языка эпоса, мы допускаем, что он, приспособившись к разговорному языку конкретной эпохи, претерпевал некоторые изменения. Однако, как отмечают ученые, «... по текстам фрагментов поэтического эпоса («Султан Ханак», «Амет, сын Исы», «Идегей») можно представить состояние фольклорного языка в средние века», так как язык поэтического эпоса отличается особой устойчивостью, не поддающейся сильному влиянию языка письменной литературы [5: 27-28]. Произведения устного народного творчества, с одной стороны, создавались в тесной связи с народно-разговорным языком; с другой – и сами оказывали влияние на язык народа, благодаря чему он обогащался новыми словами и словосочетаниями. Слова, характеризующие человека, относятся к лексике культурно-исторического и оценочного содержания, к тому пласту лексики, который активно функционирует в языке на всех этапах его развития.

1. В тексте эпоса «Идегей» представлены многочисленные описания характерных черт персонажей. К примеру, речь Идегея, обращенная к единственному сыну – Нурадыну, содержит такие яркие высказывания-характеристики: *Уяу, батыр баламсың/Уяныклы мырза углым/Күргән* (должно быть *күрән/көрән* «бурый (о масти) – А.Р.») *күлүк баламсың/Кәргәр иткән мырза углым/Буз аргымак баласыдай/ Буйлысынлы мырза углым/ Алсу-кара битле углым/ Иплеләргә ипле углым.../Галидәен нурлы углым/ Фирештәдәй битле углым/ Биек рәүгә төсле углым.../ Ярашыклы мырза углым* [3: 209]. – О родное мое дитя / Воин, знатный мурза, мой сын!

/ Дорогое мое дитя/ Рослый, статный мурза, мой сын! / Аргамача продолживший род / Жеребеночек белый, мой сын! / Доброты и покорства оплот / Богатырь загорелый, мой сын! / Ты – безгрешный Али среди людей / Ты – как зять пророка, мой сын! / Ты – опора живая моя / Ликом с ангелом схож, мой сын! / Башня сторожевая моя / Ты мой дом стережешь, мой сын! [4: 201].

Слова *күлүк* и *кәргәр ит* в татарском языке не сохранились, они встречаются в киргизском языке: *күлүк* ‘скакун, скаковая лошадь, бегунец’, *керегарлык / керегерлик кыл* ‘противиться’. В приведенном отрывке все слова, указывающие на качества человека, кроме слова *мырза/морза* ‘дворянин’ и слова *нур* ‘луч’ (< ар.), лежащего в основе слова *нурлы*, являются тюркскими лексемами, характерными для кыпчакских языков: *уяу* ‘бдительный, чуткий’, *батыр* ‘храбрый’, *уяныклы* ‘сметливый; живой, бойкий’, *буйлы-сынлы* ‘стройный, статный’; *алсу-кара битле* (тат.л. *кара-тут йөзле*) ‘смуглолицый’, *ипле* ‘сговорчивый, вежливый’, *ярашыклы* ‘пригожий’. Слово *мырза* (тат.л. *морза*) происходит от перс. *эмирзаде* ‘потомок эмира’ [6: 146]. Стоит подчеркнуть, что слово *мырза* в эпосе употребляется в своем подлинном (позже в тюркских языках закрепилось значение ‘человек из благородного рода’) значении, так как Нурадын является *сыном эмира* Золотой Орды – Идегея. Сокращение или стяжение слова *эмирзаде* в тюркских языках, вероятно, началось в XII–XIV вв., так как в среднеазиатском тефсире XII–XIII вв. оно уже употребляется в форме *мирзаде* ‘сын (потомок) эмира’ [7: 224]. Это был переходный этап в процессе адаптации слова к тюркским наречиям: *эмирзаде* > *мирзаде* > *мырза / мурза*, который наблюдается и в историческом развитии иранского по происхождению слова *юмарт/жумарт* ‘щедрый’. *Юмарт/жумарт* в тюркских языках (тур. *sömer*, гаг. *жөмерт*, кар. *джомарт*, ног. *юмарт*, кум. *чомарт*, узб. *жумард* и др.) – результат сращения тадж.-перс. *Жавонмард / javan mard* ‘молодец; молодой человек’. В старокыпчакском письменном памятнике XIII века – «Тюрко-арабском словаре» – оно зафиксировано как *жөвамард* ‘великодушный, благородный’ [8: 115], в языке хорезмских памятников XIV века встречается в форме *жувамард* ‘щедрый’ [9: 372].

Слово *ипле*, в современном татарском языке употребляющееся в значении ‘обходительный, учтивый, вежливый; умелый, искусный’, имеется и в других тюркских языках: кум. *эпли* (адам) ‘обходительный (человек)’, кир. *эптүү* ‘ловкий, проворный, находчивый’, башк. *ипле* ‘умелый (в работе), вежливый, сдержанный (в поведении)’, чув. *ипле* ‘налаженный, уместный, удобный’ и

др. В чувашском языке, как видно, оно не употребляется по отношению к человеку, так как чув. *ип* ‘уст. польза, выгода, прок; хороший результат, благополучный исход’. Исходя из контекста, можно утверждать, что в выражении *Иплеләргә ипле углым...* слово *ипле* употребляется в значении ‘вежливый’.

Слова *йарашыклы* ‘пригожий’ и *уйаныклы* ‘сметливый; бойкий’ в литературном татарском языке не употребляются, хотя значения их по общетюркским глагольным корням вполне понятны. Ср.: сиб.тат. *йарашык* ‘пригодный’; кир. *жарашык* ‘ладность, пригожесть’ и *жарашыктуу* ‘ладный, приятный’; тат.д. *уйан* ‘бодрствующий, не спящий’, тур. *uyanık* ‘бодрствующий; перен. бдительный; пронизательный; бойкий, живой’.

II. В связи с тем, что «Идегей» представляет собой героический эпос, в нем в основном изображены мужчины-воины. Лексика, относящаяся к характеристике женщин или детей, встречается редко, лишь когда говорится о женах Токтамышхана и Идегея, а также о дочерях ханов. Например, *хур кызыдай күрекле* ‘красивая как гурия’, *Ханакәдәй ару* ‘миловидная как Ханеке’, *Көнәкәдәй сылу...* ‘красивая как Кюнеке’. Слова *күрекле* (*күрек* ‘красота’+*-ле*< др.тюрк. *körk/körük* ‘красота, облик’ [10: 317]) и *ару* (< др.тюрк. *arig* ‘чистый; истинный, праведный’ [10: 51-52]) употребляются в диалектах, пословицах и поговорках, а слово *сылу* входит в активную лексику современного татарского языка: тат.д. *ару* ‘чистый; хороший; красивый, симпатичный’, ср. также: кир. *аруу* ‘чистый; миловидный, красивый’; кум. *көрк-лю*; каз. *көрікті*; кир. *көрүктүү* ‘красивый, изящный’, туркм. *гөркли* ‘красивый, миловидный, привлекательный, симпатичный’ и др. Лексема *сылу* также характерна в основном для кыпчакских языков. Ср.: каз. *сұлу* ‘красивый’: *сұлу сұлу емес*, *сүйген сұлу* ‘погов. не по-хорошему мил, а помилу хорош’; кирг. *сулуу* ‘красивый’: *сулуу жигит* ‘красивый парень’; башк. *һылыу* ‘красивый; красавица, красавец’. Согласно словарю В. Радлова, в шорском языке и в сагайском диалекте хакасского языка встречается вариант *сылыг* ‘прекрасный’, а *сылу* употребляется в диалектах алтайского языка, в языке казанских и барабинских татар в значении ‘красивый, прекрасный, статный’ [11: 653]. Наиболее древним является вариант *сылыг*: др.тюрк. *silig: silig körkлә уоғі* «величественная (?) походка» [10: 503].

В значении «беременная» в эпосе употребляется слово *ай-көнле*: *Сине дә күрен Норадын / Ай-көнле дип белсә әй!* [3: 192] – Увидев тебя, Нурадын/ Пусть подумает: ты зачала [4: 187]. Слово *айлы / айлу* ‘беременная’ встречается в

диалектах сибирских татар. В словаре диалектов алтайского языка В. Вербицкого зафиксированы варианты *айлу/айлыг / айлаар* 'беременная' [12: 6-7]. Все они, вероятно, генетически связаны со словом *ай* «месяц», и отсюда можно предположить, что в слове *ай-көнле*, соответственно, *көн* означает 'день'. Ср.: кир. *айлаш* 'женщины в одном и том же периоде беременности'.

Слово *ялгыз* 'единственный' в тексте определяет слово *бала* 'дитя; ребенок': *Ялгыз баланың кылыгы / Яудан яман! – дисә, бу булгай* [3: 213]. – Вот об этом говорят: Нрав дитя, единственного у родителей, хуже врага! В современном татарском языке значение «единственный» передается словом *бердәнбер*, а *ялгыз* употребляется в значении «одинокий». В языке древнетюркских памятников *jalguz / jalıuz* встречается в значениях «один, единственный; одинокий» [10: 228-229].

III. Лексику, употребляющуюся в эпосе для характеристики человека, можно объединить в следующие лексико-семантические группы:

1. Лексические единицы, характеризующие человека, с элементом общей положительной / отрицательной оценки:

Данная лексико-семантическая группа представлена тюркскими словами *яхшы*, *яман*, *юньсез*, *юкны димәс*: *яхшы* 'хороший, добрый' / *яман* 'плохой, злой': *Мин яхшыга яхшымын/Мин яманга яманмын* [3: 34]. – Доброму – я добрый / Злому – злой [4: 28]. Происхождение слова *яхшы / якшы / ягшы*, распространенного в кыпчакских языках, Ахметьянов Р.Г. вслед за Г. Рамstedтом связывает с древнетюркским словом *йакышыг* 'миловидный' [6: 226]. Общетюркское слово *яман* восходит к др.тюрк. *jamān* 'плохой' [10: 231]; *юньсез* 'злой, злобный; неупорядочный': ... *юньсез кеше эше ул!* '... это дело рук подлеца'; тат.л. *юньсез* 'бестолковый, неумелый; злой', чув. *йунсер* 'недостойный; беспокойный, несдержанный, неуравновешенный, капризный; упрямый'; башк. *юнһез* 'бестолковый, дурной, беспорядочный'; каз. *жөнсіз* 'неуместный (поступок); неупорядочный (человек)', кир. *жөнсүз* 'нехороший, непутевый, непристойный' восходит к общетюркскому корню *йүн/йөн/жөн*: тат. *юнь* 'толк, способность; способ, средство', чув. *йун* 'сила, бодрость: здравый рассудок; толк; смысл; порядок', башк. *юнь I* 'средство, способ', *юнь II* 'способность, толк'; *юкны димәс* 'не говорящий пустых слов': *Мин, мин дирмен, мин дирмен / Юкны димәс ирдермен!* [3: 86] – Говорю, я – это я. Я – мужчина, который не говорит пустых слов!, ср.: тат.л. *юкны сөйләү* 'говорить чушь; нести вздор'.

Выявлены также заимствованные слова *азамат* (<ар.) и *асыл* (<перс.): *асыл* 'настоящий,

замечательный'< перс. *asil* 'родовитый': *Асыл егет икәнсең* [3: 97]. – Видать, ты – достойный джигит; *азамат* 'доблестный, смелый' (< ар. 'азамат 'сила; ярость' [6: 11]): *Саф азамат мырза углым...* – Доблестный ты мурза, мой сын; ср.: кир. *азамат* 'молодец', *азаматтык* 'поведение и поступки молодца'.

2. Слова, выражающие отношение человека к другому человеку:

Самыми древними понятиями, входящими в данную семантическую группу, можно считать понятия «друг» / «свой человек» и «враг» / «чужой человек». Первое из них в эпосе выражено словом *ил*: *Ил булганга ил булды/ Яу булганга яу булды* [3: 11]. – Кто был ему друг – того любил / Кто был ему враг – того губил [4: 6]; *Ул яу микән, ил микән / Аны шунда сынаек...* [3: 42] – Друг он или враг? – испытаем там его [и поймем]...; *[Илне белми үтердең]/ Белсәң, агаң мин идем / Ялгыз калдың, Идегәй* [3: 104]. – [Не разобравшись, ты убил своего человека, друга]. Старшего брата ты убил / Ты теперь одинок, Идегей [4: 99]. Данное исконно тюркское слово является многозначным и в эпосе выражает еще одно значение – «народ»: *Ил игелегем күрсен, дип...* [3: 27] – Да видит народ от меня добро / [4: 21]; *Ай калкып акрын туадыр / Ир егет яуда үләдер / Яудан качкан – ир булмыйдыр / Ил алдында көн күрмидер* [3: 77]. – Месяц, рождаясь, тускло горит / В пламени битвы гибнет джигит / Тот не мужчина, кто с битвы бежит: / Он презираем народом своим [4: 70]; *Ике яман берекмәс / Берексә дә ил алмас.* [3: 116]. – Двое злых не объединятся. Если даже и объединятся, не станут единым народом.

Слово *ил* в значении «свой, близкий человек; друг», как это было видно из приведенных выше примеров, в эпосе очень часто употребляется в одном контексте со словом *яу*, основное значение которого «враг». *Ярлы көнен бай белмәс / Яуның серен яу белмәс* [3: 119]. – Богач судьбу бедняка не поймет. Недруг тайну врага не поймет [не узнает]. Данное древнетюркское слово (< *jađ* «враг» [10: 224]) в эпосе может выражать значение «вражеская сила»: *Шаһ Тимер янә яу булса / Алышырга дәртең бар!* [3: 116] – Если Шах-Тимир поведет рать / Есть моя мощь, чтоб его покарать! [4: 222] Все эти рассматриваемые значения позже начали передаваться арабскими и персидскими словами *дус* 'друг', *дошман* 'враг' и *халык* 'народ', входящими в современном татарском языке в активный пласт лексики. Следует подчеркнуть, что эти заимствованные слова не имеют в современном языке тюркотатарских синонимов и являются единственными обозначениями указанных понятий. А в тексте

эпоса обнаружено лишь единичное употребление слов *дус* и *дошман*, слово *халык* вовсе не встречается: *Дусым утын сундермәм! / Дошманым утын яндырмам! / [3: 86] – Другу всегда огонь зажгу / Но не зажгу огня врагу [4: 80]. Слова ил и яу сохранились в современных тюркских языках, в том числе и в татарском языке, однако их значения сузились. Ил активно употребляется в значении «страна», яу в активную лексику не входит, в исторических текстах встречается в значении «вражеская сила».*

3. Лексика, выражающая психические, душевные качества человека, обнаруживающиеся в его поведении.

Данную тематическую группу составляют тюркские лексемы *ак* и *егет*: *ак* ‘перен. чистый, незапятнанный’: *Сине карган нитием? Каргамый ак китием... [3: 106] – Что мне с того, если прокляну тебя? Лучше, не проклиная, уйду чистым. В современном языке это значение (основное значение «белый, белого цвета») используется в устойчивых выражениях *ак йөзле* ‘с чистой совестью’, *ак күңелле* ‘с чистой душой’ и т.п.; *егет* ‘храбрец; удалец’: *Егет булып яу башладың / Башладың да ник ташладың? [3: 77] – Начал ты бой джигитом лихим / Зачем же ты бросаешь бой? [4: 70-71]. В древнетюркских языках у слова *jigit* преобладало значение «юноша, молодой человек» [10: 260], позже появилось и значение «храбрец, удалец; отважный, удалой». Например, в уйгурском языке это второе значение считается переносным, а в узбекском и каракалпакском языках оно вовсе не появилось. Причиной, возможно, является то, что в них данное значение передается персидским словом *мард* / мард. В современном турецком языке, напротив, *yigit* употребляется лишь в значении «храбрец; молодец», хотя в словаре Ш.Сами указаны оба значения [13: 1551].**

Кроме этого, выявлены заимствованные слова *мас* и *михребан*: *Минем кулдан нан жыйеп* (должно быть *жыйеп* – А.Р.) / *Такка менгәч мас булган [3: 130] – Хлеб из моих получил он рук [ел с моих рук] / И наглец возгордился он вдруг / Лишь получил он ханство свое / Сразу явил он чванство свое [4: 126]. Слово *мас* < перс. *tast* ‘пьяный; опьянённый’ самостоятельно употребляется в языке сибирских татар: *мас* ‘пьяный; прям. и перен. опьянённый’ и в переносном значении образует глагол *масайу* ‘радоваться; хвататься’; тат.л. *масаю* ‘возгордиться, зазнаваться’. В киргизском и казахском языках данная лексема употребляется в прямом и переносном значениях: *мас* ‘опьянённый; заносчивый, кичливый’: *биринчи ийгиликтерине мас болгон* – он опьянён первыми успехами. Ср.: каз.*

мас болу ‘опьянеть’; *мастану, масайрау* ‘перен. опьянеть’. Слово *миребан* / *михребан* (< перс.) в эпосе, так же, как в языке-источнике, употребляется в значении «милосердный (человек), человек, проявляющий милосердие»: *Ана сәтен туя имсәң / Булыр идең миребан / Баурың каты яралдың... [3: 104] – Если бы досыта ты всосал материнского молока / Ты бы тогда милосердным [человеком] был / Жестокое сердце бьется в тебе... [4: 99]. В современном языке оно употребляется как имя существительное *михербан* ‘сострадание, милосердие’, и от него при помощи афф. *-лы* образуется прилагательное *михербанлы* ‘добросердечный; сострадательный’.*

4. Слова, характеризующие человека по его внешности.

4.1. В поэме, как и во всех героических эпосах, описанию внешности Идегея-богатыря уделено особое внимание: *Юрыны киң олпатлы* (должно быть – *олпаклы* – А.Р.) / *Суймырыктай сымбатлы / Арбадан киң күкрәге / Арыслан юан беләге [3: 111]. – Плечи его широкие, в панцире, [сам он] стройный, грудь шире телеги, львиная сила в его руках (букв. руки, как лапы льва, толстые); тат.д. *йаурын* ‘плечо’, кирг. *олпак* ‘род боевой верхней одежды с толстым слоем шерсти (заменял панцирь или надевался на него); перен. мягкий: *олпак кар* ‘пушистый, мягкий снег’, тат. *өлпәк кар* ‘пушистый снег’; кирг. *сымбаттуу* ‘стройный, статный’.*

В описании внешности главного героя – Идегея – в эпосе встречаются такие слова как *гүзәл* ‘красивый’, *озын буйлы* ‘высокого роста’, употребляющиеся в современном татарском языке в тех же значениях. Слово *чибәр*, функционирующее в современном татарском и башкирском языках в значении «красивый (о человеке)», в поэме означает ‘меткий в стрельбе’. Следует отметить, что в диалектах татарского языка и кыпчакских тюркских языках оно употребляется в значениях, более близких к значению, встречающемуся в языке эпоса: тат.д. *чибәр* / *чибер* ‘славный; с хорошим характером, хороший’, кир. *чебер* ‘искусная мастерица’, каз. *шевер* ‘мастер, умелец’, кум. *шевер* ‘художественный, искусный’. Ср.: тув. *шевер* ‘искусный, умелый; опрятный, аккуратный, хороший’, а также монг. *цэвэр* ‘чистый; красивый, прекрасный; перен. безупречный’. Ахметьянов Р.Г. вслед за Будаговым Л.З. считает слово *чибәр* монгольским заимствованием в тюркских языках и связывает со словом *чэгэ* ‘белый, чистый’ [6: 234].

4.2. Кроме отдельных лексем, в описании внешности главного героя встречаются и такие выражения как *ат жылкале* ‘с широкими плеча-

ми, букв. с лошадиным загривком’, *кош борынлы* ‘с носом, по форме похожим на птичий клюв’, *буре пычым* ‘с волчьим станом’ (тур. *biçim* ‘форма’, кир. *бычын* ‘фигура, стан, внешний вид’ <др.тюрк. *biç-* ‘резать, рубить’ [10: 104]), *балтыры жуан* ‘его ноги крепкие, букв. икры ног толстые’, *кулы үнән* ‘его руки цепкие, букв. руки умелые (*уңган*)’, *маңлае чыкык* ‘его лоб слегка выступает’ (тат.л. *маңгай* ‘лоб’), *ирене юка* ‘его губы тонкие’, а также *бармагы жиздэй маешкан* ‘его пальцы, изогнуты [чтобы лук натянуть] как медь’ (кар. *майышмакь* ‘сгибаться, гнуться’, *майышыкь* ‘согнутый’) встречающееся в следующем описании героя: *Бармагы жиздэй маешкан чибәр икән Кобогыл* [3: 63]. – Его пальцы [чтобы лук натянуть] изогнуты, как медь, искусен, видать, Кубугыл. Данный структурный тип выражений, состоящий из двух компонентов, связанных между собой предикативными отношениями в первоначальном значении, встречается в описаниях и других образов эпоса: *Урысның бер гавере /.../ Авызы төкле княж / Ул килеп басты йортымны...* [3: 166]. – Вторгся в страну, ему [Токтамышу] вослед / Князь-урус, .../ С бородою обросшим ртом [4: 162]; *Аягы чонтык Шах Тимер* [3: 13] – Шах Тимир с короткой ногой; *Коның котсыз Котлыка!* [3: 17] – Кутлыка с жалким, несчастным видом! и др. Многочисленные примеры показывают, что предикативная связь между компонентами этих высказываний постепенно ослабла и они, подобно составным словам, начали выражать одно общее значение и определять лицо-субъект. В киргизском языке, например, подобные сложные слова-определения могут принимать аффикс принадлежности: *эси жок* ‘глупый (досл. ума нет)’, *эси жоғум* ‘глупенький ты мой’.

4.3. В описании внешности других героев эпоса встречаются такие тюркские слова и выражения, как *коны котсыз, чал, чәче челдэй агарган, килбәте киң*: *Коның котсыз Котлыка!* [3: 17] – Кутлыка с жалким, несчастным видом! В диалектах татарского языка *кон / кон* употребляется в значении «вид, облик, лицо; прелесть», *консоз, консыз* означает «безобразный, некрасивый на вид» [14: 320, 413]. Ср.: башк.д. *кот-кон* ‘вид; душа’, *кон* ‘лицо’, *конһоз* ‘бесстыжий’. Слово *чал* ‘седой’ восходит к др.тюрк. *çal* ‘серовато-белый, пепельно-белый’ [10: 137]: *Кичә син дә [Туктамыш хан] чал булдың / Бүген ул да [лачын] чал булды* [3: 16] – Ты вчера стал седым / Сегодня он [сокол] стал седым [4: 10]. Ср.: кир. *чал* ‘седой; старик’. Кроме слова *чал*, встречается выражение *челдэй (агарган)* ‘поседевший, побелевший’: *Чәче челдэй агарган / Бодайбине күрде Идегәй* [3: 165]. – Идегей увидел поседевшего

Будай-бия. Ср.: кир. *чел* ‘бельмо на глазу’, которое, вероятно, связано с монг. *чэгэ* ‘белый’. Выражение *килбәт(е) киң* означает ‘стан у него широкий’: *Килбәте синнән киң икән...* [3: 40] – Стан его шире твоего. В татарском языке оно чаще встречается в составе парного слова *килеш-килбәт* ‘внешность, внешний вид’, выступает производной основой в словах *килбәтле* ‘благообразный, складный; статный’ и *килбәтсез* ‘безобразный, некрасивый, нескладный’. Ср.: чув. *килпетле* ‘видный, представительный’, *килпетсер* ‘невидный, невзрачный’ < *килпет* ‘внешность’; кум. *келпетли* ‘привлекательный, симпатичный’ (*келпетсиз* не употребляется) < *келпет* ‘вид, облик, внешность’; башк. *килбәт* ‘образ, облик’, *килбәтле / килбәтһез* ‘ладный; статный, стройный / неуклюжий, нескладный; лишенный изящества’. В значении «герой, богатырь, храбрец, силач» в поэме употребляются синонимы *бәһатыр, батыр, алпагыт, алып*: *Бәһатырлар батыры / Алпагытлар алыбы* [3: 95] – Самый храбрый и могущий из богатырей; *Кайсыгыз батыр ир булса...* [3: 61] – Если есть среди вас храбрые воины.... Ср.: др.тюрк. *alpagut, batur* ‘герой, богатырь’, *alp* ‘герой, богатырь, витязь; меткий стрелок’ [10: 36-37, 89]. Слово *бәһатыр* (тат. л. *баһадир*) в данной форме заимствовано из иранских языков, по происхождению является монгольским, следовательно, заимствованным в иранских языках словом, к которому восходит и *батыр* [6: 37].

4.4. Очень часто в эпосе мужчина-воин сравнивается с конем: *Торлаксыз үскән қоланмын / Мизгелсез юшап уртлармын* [3: 86] – Я – дикий конь из степной глуши, щиплю траву, когда мне вздумается; *Яралыштан асаумын* [3: 86] – Я с рождения норовистый, неприрученный. В описании же коня, напротив, употребляются слова, относящиеся к человеку: *Кәгелен қыздай тараган* [3: 79] – Челка [у лошади] расчесана, как у девушки.

В эпосе значительное место занимают сравнения человека с животными или птицами, которые впоследствии стали восприниматься как метафорические переносы, характеризующие человека. Название животного или птицы, с которыми сравнивается человек, получает аффикс -дай (-даен):

куяндаен ‘подобно зайцу’: *Суны үтеп ниғә качтың / Бөркет куган куяндаен / Идел суын кичеп качтың?* [3: 77] – Зайцем, что беркутом гоним?! Оставив Идиль за собой / Зачем, как трус, убежал? [4: 71]. Здесь же встречается и метафорическое употребление слова *куян* в значении ‘трус’, антонимом которого в контексте выступает слово *батыр* ‘храбрец, смельчак’: *Кем ба-*

тыр да кем куян / Шул чагында ил күрер [3: 78]. – Вот тогда народ увидит: кто из нас, трус, а кто – храбрец?;

богадай ‘быку подобный’: *Туктамыштай зур ханнар / Тук богадай тарханнар* [3: 151]. – Великие ханы как Токтамыш. Тарханы, подобные сытым (откормленным?) быкам;

төлкедэй ‘как лис’: *Урысның бер гавере / Төлкедэй кызыл чырайлы* [3: 166]. – Князь-урус / Рыжий, как лис [краснолицый] [4: 162];

бүредэй ‘как волк’: *Ач бүредэй тешле кол / Төлкедэй кызыл йөзле кол* [3: 190] – Словно волк, остроклыкий раб / Словно лис, краснолицый раб [4: 185]. В тексте встречается и метафорическое употребление кыпчакско-тюркского слова **бүре** ‘волк’ и общетюркского **куй** ‘баран’: *Тауда йөргән бүре идем / Талчыгыма тайлы бия жийер идем / Уйга төшеп куй булдым* [3: 217] – Я был волком, бродившим по горам. Проголодавшись, я ел мясо жеребой кобылы. Спустился я с гор на низину и стал бараном. Ср.: тат. д. уй ‘низина; поле в низине’, тат.л. уйсу ‘низменный’;

арысландай ‘как лев’: *Арысландай адусың* [3: 215] – Ты как лев – внушающий к себе почтение. Ср.: алт.д. адуу ‘почтение, уважение’, адуулу ‘почтенный, требующий уважения’ [15: 495];

дуадактай ‘как дрофа’: *Чул-далада тинтерән / Дуадактай хан калыр* [3: 23]. – Одиноким, как дрофа, останется хан, скитающийся по степи.

Название животного или птицы, подвергшееся метафоризации, характеризует человека и в предложении выполняет функцию определения или дополнения: **дуадак** ‘дрофа’: *Дала буен дуадак / Дуадак үтте Норадын* [3: 203]. – Нурадын одиноко, как пустынная птица, метался в степи. Слово **дуадак** в современном татарском языке имеет следующие значения: 1) пустынная птица; 2) безродный, бобыль, холостой (о человеке); 3) *диал.* гусыня, не выведшая гусят [16: 361]. В киргизском языке **тоодак** имеет значение «дрофа, дудак» и переносных значений не имеет. Ср. также: каз. *дуадак*, тув. *тогдук*, к.балк. *дуадакъ* ‘дрофа’, кум. *дувадакъ* ‘1) дрофа; 2) перен. разг. балда, дурак’; башк.д. *дыуазак*, башк.лит. *туказак* ‘гусыня, не выведшая гусят’ и т.д. Можно предположить, что название этой степной птицы первоначально стало употребляться для метафорической характеристики одинокого человека, как описывается в эпосе, «одиноко скитающегося по степи». Человек в степи вблизи мог наблюдать за этой птицей лишь во время токования, так как токующие птицы бывают менее осторожны и не убегают или не улетают. Как пишется в орнитологической литературе, дрофы

«... токуют в одиночку, не издавая звука, кружась в отдалении друг от друга» [17].

В функции определения в поэме выступают слова **эт** ‘собака’: [*Кәмалның улы Киң Жанбай*] / *Киңәше өлкән эт Жанбай!* [3: 84]– [Сын Кемала Кин Джанбай] Советник Джанбай, собака Джанбай! / [4: 79]; общетюрк. *Эт / ит* ‘собака’ < др.тюрк. *it* ‘собака’ [10: 215] и **сыртлан** ‘гиена’: *Идегэй илдә бер икән / Ир сыртланы ир икән!* [3: 236] – Нет ему равных в стране / Воинственный муж [Идегей] [4: 232]. Структурный тип выражения *ир сыртланы ир* ‘самый воинствующий из воинов [как гиена среди зверей]’, хотя и редко, но встречается в диалектах татарского языка и в некоторых тюркских языках: *ир урта ир* ‘мужчина средних лет’ [14: 217]; тур. *it oğlu it* ‘пёс, сукин сын’ и т.д.

4.5. В описаниях внешнего вида героев поэмы использованы сравнения, образованные при помощи конструкции *-дән/-нән пәйда* (< перс. *peyda* ‘появление, возникновение’) **булгандай** ‘словно появившийся из ...’: **кашлары ... каләмнән пәйда булгандай** – брови его ... словно выведены калемом-пером; **күзләре ... күгеннән пәйда булгандай** – очи ... словно ясное небо; **буе ... нурдан пәйда булгандай** – стан его ... словно из света появился. Названия частей тела, употребляющиеся в этом и других описаниях, являются исконно тюркскими словами. Среди названий предметов, явлений, лиц и т.п., использованных для сравнения, встречается немало арабоперсидских заимствований. Например, **каләм** ‘тростниковое перо’, **нур** ‘луч’, *Галидәен (нурлы)* – лучезарный как Али (зять пророка Мухаммеда); **фирештәдэй (битле)** – с ангельским лицом; **Хатәм-тайдай** – как Хатам-тай (легендарный араб, прославленный своей щедростью); **Хәмзәдәен** – как Хамза (отважный воин, ученик пророка Мухаммеда) и многие другие.

5. Слова, характеризующие физические недостатки человека. Данная тематическая группа представлена тюркским словом **саңгырау** ‘глухой, оглохший’: *Ни дигәннен мин белмәм / Колыгым саңгырау булганда* [3: 84] – Я не услышу (букв. не узнаю) что он скажет, когда я глух (букв. уши мои не слышат) и выражением **аягы чонтык** ‘коротконогий’: *Аягы чонтык Шах Тимер!* [3: 17] – Эй, Шах-Тимир с короткой ногой. В современных тюркских языках встречаются следующие варианты слова **саңгырау**: сиб.тат. *сагыр / саңкыр / колак сагыр*, тат.д. *саңкай* ‘глухой’ [14: 554], к.балк. *сангырау*, каз. *саңырау*, башк. *һаңгырау*, тур. *sagır* ‘глухой’. В словаре В. Радлова зафиксированы следующие лексемы: *сагыр* (осм.тур.) ‘глухой; полный до краев; запертый’, *сагыр* (чаг.) ‘глухой; оглохнуть’, *саграгу*

(чаг.), *сагригу* (таранчинское наречие), *саңрау* (каз., тат.) 'глухой' [11: 267, 274, 276, 288]. Мы предполагаем связь лексем *сангырау* / *сагыр* (<саңгыр / саңкыр) со словами *саң* (алт.д.) 'древесная сера', *саң* (чаг.) 'лед, образовавшийся на поверхности воды' [11: 286], которые в переносном значении «закупорка» могли стать мотивирующей основой для образования рассматриваемой лексемы.

Слово **чонтык**, встречающееся в выражении *аягы чонтык*, в современном татарском языке не употребляется. В казахском языке глаголы *шунтию* 'сделаться куцым', *шунтитю* 'укоротить, урезать' имеют корень *шунт-*, от которого, должно быть, образовано и слово *чонтык* 'короткий'. Ср. также: кир. *чунай-* 'быть коротким (об ухе)'.
6. Слова, характеризующие физическое состояние человека. Данная лексическая подгруппа состоит исключительно из тюркских слов: *ач* 'голодный', *тук* 'сытый', *сау* 'здоровый, не больной', *сырхау* 'больной': *Ач кадерен тук белмэс / Сырхау кадерен сау белмэс* [3: 119]. – Сытый голодного не поймет / Здоровый больного не поймет [4: 115]. Общетюрк. *ач* и *тук* восходят к др.тюрк. *аҕ* 'голодный', *тоҕ* 'сытый' [10: 3, 576]. Понятия «сытый» и «голодный» в татарском языке, да и в тюркских языках в целом, других названий не имеют и заимствованными словами никогда не обозначались. На протяжении всего времени развития они входили и входят в активную лексику татарского языка. Например, если сравнить их со словами, исконно тюркскими по происхождению, *сау* и *сырхау*, последние в настоящее время входят в пассивную лексику татарского языка. Наиболее активными являются лексемы *саламэт* 'здоровый' (<ар.) и *авыру* 'больной' (<др.тюрк. агг- 'болеть', аггг 'боль, болезнь' [10: 22]). Указанные лексемы в языке образуют парные лексемы – *сау-саламэт* 'здоровый', *авыру-сырхау* 'всякие болезни'. Слово *сырхау*, по нашему мнению, имеет генетическую связь с татарской лексемой *сыкрау* 'ноющая боль', первоначальной формой которой была *сыркырау*. Ср.: каз. *сыркырау* 'ломить; ныть (о боли)', узб. *Сиркирок / зиркирок* 'ломота', *сиркирамок* 'мозжить; ныть' и др. Мы считаем, что наиболее древней и общей для всех тюркских языков является корень *сыз-/сыр-*. Это предположение становится вполне вероятным, если учесть явление ротацизма в тюркских языках, по которому *сыз-* и *сыр-* представляют собой один и тот же корень. В турецком языке *sizi* употребляется в значении «боль», *sizili* – «ноющий», *sizlamak* – «болеть, ныть», а -р вариант, то есть *sig-/sirkira-*, в нем не встречается. То же са-

мое наблюдается и в сибирских тюркских языках: сиб.тат. *сысла-* / *сыста-* – «болеть», алт.д. *сыслау* – «больной» [11: 662]. В кыпчакских языках, в том числе и в татарском, сохранились оба фонетических варианта: *сызла-* и *сыкра-* (*сыркыра-*). В остальных кыпчакских языках встречаем следующие лексемы: каз. *сыздау* 'ныть', *сыркат* 'болезнь, болезненное состояние', *сыркау* 'больной, хворый', *сыркаттану* / *сыркаулану* 'хворать, болеть'; кир. *сызда-* 'болеть, ныть', *сырка-* 'хворать', *сыркак* 'хворый', *сыркоо* 'болезнь, хворь; больной, хворый', *сыркооло-* 'болеть, хворать'. Слово *сыркак* и однокоренные с ним лексемы наиболее активно употребляются в туркменском языке: *сыркакламак* 'болеть, хворать', *сыркаклык* 'болезнь, хворь' и *сызламак* 'мозжить, ныть, ломить'. В этом языке *сыркак* 'больной (о человеке)' является единственной лексемой в указанном значении, так как слова *аг(ы)ры* (тюрк.) и *хаста* (перс.) здесь отсутствуют. В качестве доказательства тому, что корневой семемой во всех этих словах является 'ноющая боль', можно привести производные от этого корня слова: тат. *сызлавык*, кир. *сыздоок*, каз. *сыздауык*, башк.л. *һызлауык*, башк.д. *һыркауыт* 'чирей', а также туркм. *сызлавук*, узб. *сизлогич* 'болячка; прыщ' и башк. *сырхыуат*, чув.д. *сархават* 'общее название различных кожных заболеваний'. И наконец, в пользу мнения о том, что в древности существовали з- и р- варианты можно привести параллели из монгольского языка: *шархирах* 'ныть, ломить', *шарх* 'рана; язва' (соответствие [ш] – [с] наблюдаем и в таких примерах как *шар* 'желтый' (тюрк. *сары*), *шалтаг* 'повод, предлог; отговорка' (тат. *сылтау*), *ширэх* 'простёгивать, прошивать' (тат. *сыру*) и др.). На основе характера боли, вероятно, произошла дифференциация лексем *сызы-* (*сыркыра-*) и *аг(ы)ры-*: первая выражала лишь ноющую боль (от ран, нарывов?).

7. Слова, связанные с социальной характеристикой человека. Данная подгруппа также состоит в основном из тюркских слов, исключение составляет лишь слово *гариб* 'скиталец; бездомный человек; бедняга': *Адам гарибе шул булыр / Кайтып илен тапмаса!* [3: 132] – Одиноким, несчастным станет человек, возвратившись, если не найдет страну и народ. Ср.: тат. *гариб* 'чужеземец; бедный, жалкий', каз. *карып*, кир. *карып* 'обездоленный, бедняк, находящийся в жалком, бедственном положении', баш. *кәрип* 'уродливый, увечный; урод, калека' и др. Рассматриваемое слово представляет собой арабское заимствование – *гариб* 'чужой, посторонний; странный; незнакомец; чужеземец'.

Тюркский пласт лексики представлен следующими лексемами: **ярлы** ‘бедняк; нищий’, **бай** ‘богатый, имущий; богач’: *Ярлы көнен бай белмәс / Ым белмәгән тел белмәс / Тел белмәгән ил белмәс* [3: 119]. – Богач не поймет судьбу (букв. день, существование) бедняка. [Человек], не понимающий жестов, не поймет и языка. [Человек], не знающий языка, не поймет народа, страну; **ир** ‘мужчина; воин’, **ирән** ‘герой’: *Ир кадәрен ирәннәр белер* [3: 11]. – Ценность храброго мужа-воина понимают герои-богатыри. Ср.: кир. *эр* ‘герой, богатырь, храбрец’, *эрен* ‘сильный; мужественный; герой, молодец’, **өлкән** ‘старший, уважаемый’: *Ханыгыз булган минме өлкән, алла юкса сезме өлкән?* [3: 30] – Я, который являюсь вашим ханом, старше (авторитетнее) или вы старше? Общее содержание контекста показывает, что значение *өлкән* здесь гораздо шире, оно включает также и ‘старшинство, авторитетность’. Это подтверждается и этимологией слова *өлкән*, предложенной Ахметьяновым Р.Г.: «от др. тюрк. *улуғ кань* ‘великий предводитель, патриарх» [6: 159]. Слово *өлкән* в эпосе употребляется и в значении «авторитетный», и не всегда по отношению к человеку: *Киңәшең өлкән ир Жанбай!* [3: 75] – Воин Жанбай, совет твой достоин; **көчле** / **көчсез** ‘перен. сильный/ слабый’: *Көчлесе кол биләде / Көчсезе зар иңрәде* [3: 60]. – Сильные из них владели рабами, слабые пребывали в стенании; *көчле / көчсез < көч* (др.тюрк. *күç* ‘сила’ [10: 322])+-ле (-сез); **түрә** ‘властительный богатырь’: *Түрә булыр Кобогыл* [3: 63]. – Кубугыл станет властительным богатырем; тат. *түрә* ‘глава, голова; перен. уважаемый господин’, сиб.тат. *түрә баба / түрә гуца* ‘обращение к уважаемому, почтенному человеку’, кир. *төрө* ‘(в эпосе) господин (эпитет властительного богатыря); господин’, каз. *төре* ‘господин’ и др.; **кара кеше** ‘человек из непривилегированного сословия’: *Атаң кара кеше иде / Мал биргәннең колы иде / Анаң кара кеше иде / Аш биргәннең күңе иде* [3: 84] – Отец твой простолюдином был. [Человеку], дающему богатство, он был рабом. Мать твоя была простолюдинкой. [Человеку], дающему пропитание, она была рабыней; общетюрк. *кара* ‘черный, тёмный; перен. Простой’.

8. Слова, характеризующие человека по его умственным способностям.

В языке эпоса выявлены такие слова с положительной оценкой человека по уму как **уйа-ныклы** ‘сметливый’ (см. выше) и **чичән** ‘красноречивый (умный)’: *Чичән икән Кобогыл* [3: 63] – Кубугыл видать красноречив; *Сүзле адәмне сөйләтмәс / Инәдән [анадан] чичән туганмын* [3: 198]. – Как ашуг я славен в стране / Болтуны за-

молкают при мне [4: 195]; тат.л. *чичән* ‘поэт-импровизатор; перен. красноречивый человек’, кир. *чечен* ‘красноречивый (красноречие неотделимо от мудрости)’. Ср. монг. *цэцэн* ‘мудрый, умный, смысленный’, *цэц* ‘мудрость’: *цэц булалдах* ‘состязаться в мудрости’.

Отрицательная оценка содержится в следующих словах: **алжыган** ‘лишившийся памяти (от старости)’: *Алжыган картыбыз...* [3: 70] – Наш старик, лишившийся памяти.... Ср. сиб.тат. *алу* ‘лишиться памяти (от старости)’, *алчык* ‘лишившийся ума’, кир. *алжы* ‘ошибаться; перен. выжить из ума’; тат.л. *алжы-* ‘утомиться, обессилеть’; **акылы чонтык** ‘глупый’: *Акылың чонтык, тинтәк би [Киң Жанбай]*. [3: 76] – С кучым умишком Кин-Джанбай/ [Умным, глупец, себя не считай!] [4: 70]; **чонтык** (см. выше – *аягы чонтык*); **тинтәк** «глупый»: *Йорт белмәгән тинтәк би...* [3: 77] – Тупоумный бек, не соображающий в делах житейских...; тат., башк. *тинтәк*, ккалп. *тентек*, кум. *темтек* ‘глупый, сумасбродный; глупец, дурень’; сиб.тат. *тендек* ‘дурак; глупый, тупой’; кир. *тентек*, уйг. *тәнтәк* ‘сумосбродный, озорной; шалун’; узб. *тентак* ‘глупый, придурковатый’; монг. *тэнэгэ* ‘глупый, неумный; глупость’. Ахметьянов Р.Г., пополнив этот ряд вариантами из других тюркских и монгольских языков, высказывает предположение о генетической связи *тинтәк* со словом *тинтерә* ‘изматываться, обессилеть; одуреть’ [6: 201].

Таким образом, анализ лексики эпоса «Идегей», связанной с характеристикой человека, показывает, что ее основу составляют кыпчакско-тюркские слова. Арабские и персидские варианты многих ключевых понятий, вошедшие в татарский язык (а также и во многие другие языки кыпчакской группы) в более поздние этапы его развития в качестве литературной нормы, в тексте не употребляются вовсе или встречаются очень редко. С другой стороны, в эпосе заметно присутствие религиозного аспекта, который проявляется в образных выражениях, в сравнениях и словах арабо-персидского происхождения, что свидетельствует о влиянии исламской культуры на тюрко-татарское устное народное творчество. Для описания характерных особенностей человека в эпосе очень часто использованы названия животных и птиц. Это говорит о том, что зоонимы становились источником для активного образования метафор уже в среднетюркскую эпоху формирования и развития тюркских языков. В структурном отношении особо выделяется тип лексем, состоящий из двух компонентов, первоначальные предикативные отношения между которыми утеряны вследствие их семантического

объединения в одно общее значение: аягы чон-тык Шах Тимер, авызы төкле княж и т.п.

Список сокращений

- алт. – алтайский язык
- ар. – арабский язык
- башк. – башкирский язык
- д. – диалект
- др.тюрк. – древнетюркский
- ир. – иранские языки
- каз. – казахский язык
- кар. – караимский язык
- к.балк. – карачаево-балкарский язык
- кир. – киргизский язык
- ккалп. – каракалпакский язык
- кум. – кумыкский язык
- л. – литературный
- монг. – монгольский язык
- ног. – ногайский язык
- осм.тур. – османско-турецкий язык
- перс. – персидский язык
- разг. – разговорный
- сиб.тат. – сибирско-татарский язык
- тат. – татарский язык
- тур. – турецкий язык
- узб. – узбекский язык
- уйг. – уйгурский язык
- чаг. – чагатайский язык
- чув. – чувашский язык

*****

1. *Хайруллина В.И.* Народный эпос «Идегей» и его исторические корни: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999. – 22 с.
2. *Усманов М.У.* О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1990. – С. 247 – 254.

3. Идегей. Татар халык дастаны. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. – 254 б.
4. Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. – Казань: Тат. книж. изд-во, 1990. – 256 с.
5. *Хисамова Ф.М.* Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности XVI-XVII вв. – Казань: Изд-во Казанского унив-та, 1990. – 154 с.
6. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
7. *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тевфсира XII-XIII вв. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 365 с.
8. *Курьшижанов А.К.* Исследование по лексике «Тюрко-арабского словаря». – Алма-Ата: Наука, 1970. – 234с.
9. *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV века. – Т.1. – Ташкент: «Фан», 1966. – 649 с.
10. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
11. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т.IV, ч.I. – С.-Петербург:[б.и.], 1911. – 1115 с.
12. *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань:[б.и.], 1884. – 494 с.
13. *Sami Ş.* Kamus-i Türki. – İstanbul: Çağrı Yayınları, 1996. – 1574 s.
14. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. – Казан: Тат. китап нәшр., 2009. – 839 б.
15. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т.I, ч.I. – С.-Петербург:[б.и.] 1893. – 968 с.
16. Татарско-русский словарь: В 2-х томах. – Т.1 (А-Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
17. *Шаргаев М.А.* Дрофа // Красная книга Бурятии. URL: <http://krasnaja-kniga-burjatii.ru/drofa.php> (дата обращения: 05.05.2015)

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF LEXIS DESCRIBING HUMAN BEINGS IN THE EPOS «IDEGEY»

A.R.Rakhimova

This article explores the lexis in the epos ‘Idegey’ that emerged in the 15th -17th centuries. By analyzing the thematic lexis of the source text we found out that its basis consists of Kipchak-Turkic words. Arabic and Persian equivalents of many key concepts, which were used later as the literary standard of the Turkic languages, are not found in the source text (or found rarely). At the same time, religious motifs, figurative phrases and Arabic-Persian words – all of these are the evidence of a serious impact of Islamic culture on Turkic-Tatar oral folk arts. The frequent use of the names of animals and birds in comparisons testifies to the fact that zoonyms were a source of creating metaphors as far back as in the Middle-Turkic Ages when the Turkic languages were forming and developing.

Key words: Tatar language, Turkic languages, thematic lexis, language of epos, Kipchak language layers, Arabic and Persian borrowings.

*****

1. *Хайруллина В.И.* Narodnyj e'pos «Idegej» i ego istoricheskie korni: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. – Kazan', 1999. – 22 s. (in Russian)
2. *Usmanov M.U.* O tragedii e'posa i tragediyax lyudskix // Idegej. Tatarskij narodnyj e'pos. Perevod Se-

- mena Lipkina. – Kazan': Tat. knizh. izd-vo, 1990. – S. 247 – 254. (in Russian)
3. Idegəj. Tatar xalyk dastany. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 1988. – 254 b. (in Tatar)
  4. Idegej. Tatarskij narodnyj e'pos. Perevod Semena Lipkina. – Kazan': Tat. knizh. izd-vo, 1990. – 256 s. (in Russian)
  5. *Xisamova F.M.* Funkcionirovanie i razvitie starotatarskoj delovoj pis'mennosti XVI-XVII vv. – Kazan': Izd-vo Kazanskogo univ-ta, 1990. – 154 s. (in Russian)
  6. *Əxmət'yanov R.G.* Tatar teleneң kyskacha tarixi-e'timologik syzlege. – Kazan: Tat. kit. nəshr., 2001. – 272 b. (in Tatar)
  7. *Borovkov A.K.* Leksika sredneaziatskogo tefsira XII-XIII vv. – M.: Izd-vo vost. lit., 1963. – 365 s. (in Russian)
  8. *Kuryshzhanov A.K.* Issledovanie po leksike «Tyurkoarabskogo slovarya». – Alma-Ata: Nauka, 1970. – 234 s. (in Russian)
  9. *Fazylov E'I.* Starouzbekskij yazyk. Xorezmskie pamyatniki XIV veka. – T.I. – Tashkent: «Fan», 1966. – 649 s. (in Russian)
  10. *Drevnetyurkskij slovar'.* – L.: Nauka, 1969. – 676 s.
  11. *Radlov V.V.* Opyt slovarya tyurkskix narechij. – T.IV, ch.I. – S.-Peterburg:[b.i.], 1911. – 1115 s. (in Russian)
  12. *Verbickij V.* Slovar' altajskogo i aladagskogo narechij tyurkskogo yazyka. – Kazan':[b.i.], 1884. – 494 s. (in Russian)
  13. *Sami Ş.* Kamus-i Türki. – İstanbul: Çağrı Yayınları, 1996. – 1574 s. (in Turkish)
  14. Tatar teleneң zur dialektologik syzlege. – Kazan: Tat. kitap nəshr., 2009. – 839 b. (in Tatar)
  15. *Radlov V.V.* Opyt slovarya tyurkskix narechij. – T.I, ch.I. – S.-Peterburg:[b.i.] 1893. – 968s. (in Russian)
  16. Tatarsko-russkij slovar': V 2-x tomax. – T.I (A-L). – Kazan': Magarif, 2007. – 726 s. (in Tatar, Russian)
  17. *Shargaev M.A.* Drofa // Krasnaya kniga Buryatii. URL: <http://krasnaja-kniga-burjatii.ru/drofa.php> (accessed: May 05, 2015) (in Russian)

* * * * *

Рахимова Асия Ризвановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: a.rakhimova@gmail.com

Rakhimova Asiya Rizvanovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Tatar and Turkic Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: a.rakhimova@gmail.com

Поступила в редакцию 18.05.2015